

Россиус Ю.Г.

младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: juliarossius@yandex.ru

О подходах к пониманию истории в философии Б. Кроче и Э. Бетти

Аннотация. Цель настоящей статьи – сопоставить философские взгляды Б. Кроче и Э. Бетти применительно к их трактовке истории. Принимая во внимание существенное различие в исходных теоретических установках этих философов (неогегельянство и абсолютный историцизм Кроче и методологическую герменевтику Бетти), автор выбирает для соотнесения некоторые идеи, высказывания философов и фрагменты их работ, где просматривается сходство их позиций или же, напротив, – моменты разногласий или положения, за которые философы критиковали друг друга. Как показано в статье, теория интерпретации истории у Бетти не испытала влияния со стороны крочеанского историцизма. Рассматривая концепцию «современности» истории у Кроче и ее схожесть с канонем актуальности понимания у Бетти, автор статьи отмечает, что Бетти пришел к этому тезису независимо от Кроче, в результате своих исследований в области истории права, и первоначально этот канон имел более узкую историко-правовую формулировку.

Ключевые слова: история западной философии, Бетти, Кроче, историцизм, герменевтика, интерпретация, юридическая догматика.

О сопоставлении взглядов итальянских философов Бенедетто Кроче (1866–1952) и Эмилио Бетти (1890–1968) имеет смысл говорить в первую очередь в связи с их подходом к истории: здесь просматривается определенное сходство в решении частных задач при существенном различии в исходных теоретических установках: теория истории неогегельянца Кроче вплетена в его философскую концепцию, известную как «абсолютный историцизм», постулирующей единство философии и истории, в то время как для представителя методологической герменевтики Бетти историческое знание сводится к исторической интерпретации, включаемой в качестве элемента в его общую методологию наук о духе. В трактовке истории, как и в вопросах эстетики, пересечение и расхождение позиций Кроче и Бетти выражено наиболее явно: философы следили за публикациями друг друга, давали оценки содержащимся там идеям, отвечали на взаимную критику в комментариях на страницах своих работ. Помимо этих высказываний, показывающих непосредственное отношение каждого из философов к теории оппонента, материал для сопоставления нам дают сами работы философов, в которых они обращаются к вопросам истории.

Сравнение подходов этих двух философов к истории представляется важным прежде всего для прояснения места Эмилио Бетти в истории философии. Если взгляды Кроче были признаны как в Италии, так и за ее границами, то Бетти как философ долгое время не был столь известной фигурой в родной ему Италии¹, и самобытность его концепции не была столь очевидна. Отчасти это связано с тем, что он привлекал к себе внимание в первую очередь как юрист и как автор фундаментальных трудов по истории и теории права, отчасти – с определенным эклектизмом, в котором его часто обвиняют и который действительно в какой-то мере свойственен его главному философскому труду. На руку этим обвинениям сыграла своего рода научная дотошность Бетти, любую схожесть своей позиции с кем-то из предшествующих или современных ему философов он не забывал фиксировать в примечаниях, которыми в изобилии снабжен весь объемный текст «Общей теории интерпретации». Свою роль здесь сыграла так-

¹ Публикация «Общей теории интерпретации» в 1955 г. не вызвала в академическом окружении Бетти ожидаемой им реакции. Большой резонанс идеи Бетти получили в Германии после издания в 1962 г. по-немецки очерка «Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften» (Tübingen, 1962); рус. пер.: *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем. Е.В. Борисова. М., 2011.

же и биография Бетти – в довоенное время и в период Второй мировой войны он сочувствовал режиму Муссолини, принимая, в частности, участие в составлении гражданского кодекса Италии в 1942 г., что не могло впоследствии не сказаться на его репутации.

Учение Бетти об интерпретации истории иногда связывают с влиянием на него историцизма Кроче, однако совпадения во взглядах философов в ряде положений, скорее, были порождены не воздействием одного на другого², а общим для них интеллектуальным горизонтом – они опирались на общие источники, среди которых Дж. Вико, Б. Спавента, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, представители немецкой исторической школы.

Историческая проблематика волновала Кроче еще в ранний период его творчества начиная с 1893 г. – с очерка «История, сведенная под общее понятие искусства» и работы «Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика» (1902), и впоследствии пронизывала практически все его философские труды: «Логика как наука о чистом понятии» (1909), «Философия практики. Экономика и этика» (1909), «Теория и история историографии» (1917), «Этика и политика» (1931), «История как мысль и действие» (1938), «Философия и историография» (1949) и др. Взгляды Кроче на историю претерпели существенную эволюцию от понимания истории как искусства до отождествления ее с философией и вполне сформировались к моменту написания «Философии практики»³.

Что касается Бетти, то он посвятил вопросам истории часть своего главного философского труда «Общая теории интерпретации» (1955), полемическую работу «Герменевтика как общая методология наук о духе» (1962), ряд лекций и статей⁴. Но и ранее вопросы исто-

² См. в спец. выпуске «Quaderni Fiorentini», посвященном герменевтике Бетти: *De Gennaro A. Emilio Betti: dallo storicismo idealistico all' ermeneutica // Quaderni Fiorentini*. 1978. No. 7. P. 79–112; *Crifò G. Emilio Betti. Note per una ricerca // Quaderni Fiorentini*. 1978. No. 7. P. 165–292; также см.: *Mura G. Saggio introduttivo: La Teoria ermeneutica di Emilio Betti // Betti E. L' ermeneutica come metodica generale delle scienze dello spirito*. Roma, 1990. P. 5–47.

³ В более поздний период Кроче вводит новую для своей философии категорию витального, которая потребовала определенной корректировки соотношения элементов его системы, в особенности экономического и этического, однако это не повлияло существенно на цельность его конструкции (*Croce B. La storia come pensiero e come azione*. Bari. 1973, P. 147–153; об этом см.: *Овсянникова И.А. Либеральная философия Бенедетто Кроче*. Омск, 1998. С. 61–73).

⁴ См., напр.: *Betti E. Diritto romano e dogmatica odierna // Diritto, metodo, ermeneutica. Scritti scelti*. Milano, 1991. P. 59–133; *Betti E. Le categorie civilistiche dell' interpretazione // Rivista Italiana per le Scienze Giuridiche*. 2014. № 5. P. 11–72;

рической интерпретации занимали Бетти в связи с юридической герменевтикой; его заботила проблема соотношения правовой догматики и истории права – проблема, решение которой привело его к мысли о необходимости создания теории интерпретации, распространяющейся на все науки о духе.

Философские основания концепций истории у Кроче и Бетти

Основы философской концепции Б. Кроче – «философии Духа» – были сформулированы им в первое десятилетие XX в. Впоследствии Кроче уточнял и дополнял ее, сохраняя ее стержень: четырехчастное строение, отражающее его представление о диалектическом развитии действительности как непрерывной сменяемости четырех форм, или моментов, Духа: эстетического (познание индивидуального), логического (познание всеобщего), экономического (воля и действие в отношении индивидуального в соответствии с пользой) и этического (воля и действие в отношении всеобщего). Эти моменты связаны между собой и взаимодействуют в соответствии с «диалектикой различий» – Кроче дополнил ею, «откорректировав», диалектику противоположностей Гегеля: там, где речь идет о добре и зле, истине и лжи, прекрасном и безобразном и т.п., мы имеем дело с противоположностями, но соотношение, например, истины и добра или добра и пользы, согласно Кроче, представляет собой нечто иное, а именно «различие». В применении к истории «работа» диалектики различий означала, что развиваясь, дух переходит из одного своего «момента» в другой, сохраняясь в каждом из них неделимо весь (со всеми своими формами) – одни и те же формы духа каждый раз наполняются новым содержанием, отчего в истории, с одной стороны, присутствует момент преемственности, а с другой – моменты различия, реализующиеся в новом. Если гегелевская триада, согласно Кроче, схематизировала историю (тезис необходимо предполагает антитезис, а следовательно, и вид синтеза), не оставляя места свободе, то мир истории в свете кроччанской диалектики различий развивается, повинуюсь пульсации своего внутреннего ритма, не предопределен никакими схемами, открыт в будущее и многовариантен⁵.

Betti E. L'ermeneutica storica e la storicità dell'intendere // Annali della Facoltà di giurisprudenza della Università di Bari. XVI. 1961. P. 3–28.

⁵ У Кроче в описании развертывания истории присутствует также и представление о провидении, которое, будучи имманентно духу и действуя в каждом че-

О значении, которое итальянский философ придавал истории, можно судить по одной из характеристик, закрепившейся за его концепцией и тесно связавшейся с его именем. Философия Кроче получила название «абсолютного историцизма»: в ней дух – он же история, он же свобода, он же нравственность – охватывает собою всю реальность, включая прошлое и настоящее человечества, исчерпывая полностью все формы его мышления и деятельности. Всякая реальность – реальность историческая. Помимо самой истории, или духа, нет ничего внешнего – ни вещей в себе, ни трансцендентных сущностей, способных каким-либо образом воздействовать на ее ход (отмежевание от какой бы то ни было трансцендентности побудило Кроче не использовать термин «философия истории» в применении к своей теории; для него «философия истории» была синонимом трансцендентного взгляда на реальность, воплощенного прежде всего в гегелевской идее). История творится индивидуальными действиями людей (здесь Кроче как раз полностью следует Гегелю), причем исключительно моральными действиями: аморальные действия, по убеждению Кроче, не являются действиями как таковыми и остаются в истории лишь тенью настоящих действий, уходя в небытие; зло для Кроче, как и для Гегеля, нереально, неисторично. Всеобщее, или история, реализуется через индивидуальное (мысли и поступки людей), пребывая сразу целиком в каждом конкретном человеке (установка, получившая уже упомянутое название исторического имманентизма).

Бетти исходит из совсем иных философских предпосылок. Называя концепцию Кроче «атомистическим и адиалектическим историцизмом... отрицающим инаковость и объективность»⁶, а в «диалектике различий» видя «жесткую тетраду», воплощающую в себе «черствый взгляд интеллектуализма»⁷, он не идет по пути системных построений. Историцизм в том его аспекте, который рассматривает реальность в рамках «диалектики различий», ограничивающих ее и не учитывающих, по мнению Бетти, всего ее богатства⁸, был для него

ловеке, никак не противоречит свободе человеческих действий и не предопределяет историю (*Croce B. Filosofia della pratica. Economica ed etica. Bari, 1973. P. 173–176; Croce B. Etica e politica. Bari, 1967. P. 92–97*). Этот элемент, тем не менее, диссонирует с общим пафосом утверждения свободы как сущности истории у Кроче, порождая обвинения в адрес автора в той самой трансцендентности, с которой он решительно воевал.

⁶ *Betti E. Teoria Generale della Interpretazione. Milano, 1955. P. 147.*

⁷ *Teoria Generale della Interpretazione. P. 15.*

⁸ В «Автобиографических заметках» Бетти рассказывает, что в юношеские годы, познакомившись с только что вышедшей «Философией практики», он был

неприемлем⁹. Как пишет Г. Мура, «хотя Бетти и демонстрировал в некоторых моментах близость со взглядами Кроче (впрочем, как и с другими представителями своего времени, такими как А. Баратоно, Р. Мартинетти, Дж.Е. Барие, А. Банфи), он с самого начала занял в отношении крочеанской мысли независимую и ясную позицию, построенную на тех же основаниях и принципах, которые впоследствии подвинул его на жесткую критику не только в отношении позитивизма, но также и в адрес историцизма идеалистического типа»¹⁰.

Следуя за Вико, Бетти ограничивается в области истории познанием, при котором она исследуется только в ее человеческом измерении: дело историка – не поиск конечных причин, но процесс интерпретации, не генетический путь (*l'iter genetico*), а герменевтический (*l'iter ermeneutico*). Здесь он, так же как и Вико, придерживается традиции, идущей еще от Августина: причины и цели истории относятся к божественному промыслу, а следовательно, их изучение должно находиться в ведении теологии истории. Исходя из этого, Бетти ставит перед собой более скромную задачу – исследование истории посредством исторической герменевтики¹¹.

Бетти стремился создать теорию интерпретации, которая объединяла бы собой все науки о духе и являлась бы общей для них методологией. Он акцентирует свое внимание на объективности интерпретации, гарантировать которую, по его мнению, может правильное применение свода сформулированных им герменевтических правил. В этом понимании целей и принципов теории интерпретации Бетти продолжал традицию романтической герменевтики, идущую от Шлейермахера и Дильтея: она просматривается и в его понимании герменевтики как совокупности методов интерпретации, и в формулировании «канонов», и в обращении к идее герменевтического круга, и в его представлении об историчности объекта и субъекта интерпретации, и в отношении к языку как к посреднику, когда речь идет о текстах. К этой традиции относится и его убеждение в том, что методы интерпретации должны кардинально отличаться от методов естественных наук. Двигаясь в этом направлении, Бетти формулирует четыре общих герменевтических канона, снабжая их рекомендация-

пленив ясностью мысли Кроче, но, в то же время, «разочарован его стремлением к упрощению реальности и сведением ее к “разуму”» (*Betti E. Notazioni autobiografiche / A cura di E. Mura. Padova, 2014. P. 8*).

⁹ *Betti E. Teoria Generale della Interpretazione. P. 147–156.*

¹⁰ *Mura G. Saggio introduttivo: La Teoria ermeneutica di Emilio Betti. P. 21.*

¹¹ *Korzeniowski I.W. L'ermeneutica di Emilio Betti. Roma, 2010. P. 60.*

ми, как их следует применять по отношению к каждому виду интерпретации, и показывает, каким образом внутри того или иного вида интерпретации чередуются, сменяя друг друга, так называемые теоретические моменты¹².

Рассмотрим подробнее некоторые сходные черты в учениях двух философов и постараемся проследить, в какой мере это сходство говорит о единстве их взглядов и не является ли оно в ряде случаев чисто внешним, скрывая за собой более глубокие различия.

О современности истории

Первый тезис, которым открывается книга Кроче «Теория и история историографии», – о *современности* всякой подлинной истории и о необходимости различать историю и хронику. Согласно Кроче, история создается и становится историей только тогда, когда она осмысливается историком, отвечает его жизненным интересам, его духовным потребностям: «Когда потребности моего культурного развития в тот или иной момент истории... ставят передо мной проблему древнегреческой цивилизации, философии Платона или своеобразия аттических обычаев, эта проблема точно так же связана с моим существом, как история дела, которым я занимаюсь, любви, которую вынашиваю в душе, или опасности, которая мне угрожает, и я с той же страстью, с тем же страданием погружаюсь в эту проблему, пока мне не удастся ее разрешить»¹³. В этом Кроче видит разницу между историей и хроникой: в отличие от живой истории хроника мертва (она представляет собой «пустые слова, а пустые слова есть звуки или соответствующие им графические знаки»¹⁴, и это справедливо до того момента, пока к хронике не обращается мысль историка. Собственно, мысль и делает историю историей (здесь Кроче оправдывает свое имя неогегельянца). Различая историю и хронику, философ отмечает, что в его понимании это не две различные формы истории (независимые либо подчиненные одна другой), а «два различных духовных подхода»: «История жива, хроника мертва, история всегда современна, хроника уходит в прошлое, история – преимущественно мыслительный, хроника – волевой акт»¹⁵.

¹² О канонах, видах и «моментах» интерпретации см.: *Россигус Ю.Г.* Эмилио Бетти // *Западная философия XX – нач. XXI вв.* М.; СПб., 2016. С. 108–134.

¹³ *Кроче Б.* Теория и история историографии / Пер. И.М. Заславской. М., 1998. С. 10.

¹⁴ Теория и история историографии. С. 12.

¹⁵ Теория и история историографии. С. 13.

Подобный исходный пункт есть и у Бетти: с тезисом Кроче о современности истории перекликается его *канон актуальности понимания*. В первоначальном виде он был представлен Бетти еще в миланской лекции 1927 г. («Римское право и современная догматика») ¹⁶, т.е. за двадцать восемь лет до выхода в свет «Общей теории интерпретации», и пока касался области юридической герменевтики ¹⁷. Впоследствии из этого наброска выросло сразу два из четырех основных беттианских герменевтических принципа, «канона» – *актуальности понимания* и *герменевтического соответствия* (снискавших одобрение Кроче ¹⁸). Бетти выдвигает мысль о том, что реконструировать историю права – в данном случае, римского права – можно лишь исходя из современной юридической догматики. Под «догматикой» Бетти подразумевает современное юридическое сознание, это «та степень подготовленности, которой располагают юристы нашей эпохи... в знании юридического феномена как такового» ¹⁹. Речь идет здесь об «историчности» субъекта, ибо «мы, современные люди, не можем перепрыгнуть одним прыжком через девятнадцать веков юридической традиции и представить себе, что мы можем уйти от нашей ментальности, которая как раз и сформировалась посредством этой внушительной традиции» ²⁰. Историк, как утверждает Бетти, занимаясь римским правом, использует понятия и категории современной юридической догматики, без которых «история была бы слепа... лишенная какого-либо актуального интереса» (Там же. С. 81), благодаря им «юридические отношения и институты приобретают определен-

¹⁶ Речь идет о лекции, читанной Бетти в 1927 г. при вступлении в преподавательскую должность в Миланском университете. Целью такой лекции было знакомство преподавателей и студентов факультета с главными идеями представляемого курса (*Betti E. Diritto romano e dogmatica odierna*).

¹⁷ В «Автобиографических заметках» Бетти вспоминает о том, что идея, впоследствии сформулированная в его лекции, была почерпнута им из предисловия к одной книге еще в 1921 г., автор которого (Бетти не называет его имени) утверждал единство юридического метода и идентичность задач, выполняемых юристом как в сфере гражданского права, так и при изучении римского права (*Betti E. Notazioni autobiografiche*. P. 22).

¹⁸ *Mura G. Saggio introduttivo: La Teoria ermeneutica di Emilio Betti*. P. 22.

¹⁹ Цит. по: *De Gennaro A. Emilio Betti: Dallo storicismo idealistico all'ermeneutica// Quaderni Fiorentini*. 1978. No 7. P. 79. Де Дженнарро предлагает исходить из этого пояснения Бетти, однако в рассуждениях самого Бетти такое толкование часто смешивается с общепринятым понятием юридической догматики как совокупности современных правовых норм и их соотношения (отсюда и его аргумент в пользу классификации, см. ниже), что дало повод для дискуссии.

²⁰ Цит. по: *De Gennaro A. Emilio Betti: Dallo storicismo idealistico*. P. 80.

ность, значение и ценность, только через понятия догматики они говорят с нами своим языком, выражая свою логику» (Там же. С. 81). Впоследствии в лекции 1948 г. «Категории интерпретации в цивилистике», а затем и в «Общей теории интерпретации» и в других своих поздних работах, Бетти опишет общий герменевтический канон актуальности понимания, который будет распространяться уже на все виды интерпретации²¹; согласно ему, «интерпретатор призван проходить в себе самом обратный путь творческого процесса и таким образом заново переживать его изнутри, переводить его всякий раз в актуальность собственной мысли, жизненного опыта... чтобы ввести его, как факт собственного опыта, посредством своего рода транспозиции в круг собственной духовной жизни благодаря тому самому синтезу, который его распознает и заново конструирует»²².

Несмотря на схожесть описанных выше позиций Бетти и Кроче в отношении актуальности исторического знания, тезис о применении юридической догматики к истории права не был принят вторым в полной мере. С одной стороны, Кроче соглашается с утверждением Бетти о примате актуального интереса в трактовке истории, ведь «мы занимаемся историей римского права и римской поэзии не ради древних римлян, которые уже мертвы, а для нас... живущих»²³. Вместе с тем, он восстает против жесткого и тотального применения современной догматики к историческому праву. Кроче проводит аналогию между историей поэзии и историей права: как критерии современной поэтики (которая представляет собой определение литературных видов и их классификацию) не могут быть полностью применимы к истории римской поэзии, так же нельзя говорить и о тотальном применении к истории права современных юридических схем. Эти схемы не должны в строгом смысле «накладываться» на историческую реальность, они играют лишь вспомогательную, практическую роль, будучи «классификационными понятиями», которые не применимы полностью и однозначно даже в современном праве и в современной поэзии, «они могут использоваться только подобно прибору, указы-

²¹ Дискуссии о том, в какой мере «актуальность понимания» влияет на объективность интерпретации, развернувшейся между Бетти и Гадамером, уделено большое место в упомянутом очерке Бетти: *Bemmi E.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011. См: *Mengoni L.* La polemica di Betti con Gadamer // *Quaderni Fiorentini.* 1978. No 7. P. 125–142; *Ricci F.* L' ermeneutica tra filosofia e metodologia. Il dibattito tra Betti e Gadamer // *Parola, Verità, Diritto.* Napoli, 2006. P. 69–86.

²² *Betti E.* Le categorie civilistiche dell' interpretazione. P. 29.

²³ *Croce B.* Conversazioni critiche, serie IV, Bari, 1951. P. 185.

вающему ориентир»²⁴. Кроче обращает внимание на инструментальный характер схем юридической догматики, уподобляя их тем классификациям, которые используются в естественных науках, и, с его точки зрения, не дают истинного знания, однако с успехом применяются в практических целях.

С точки зрения Бетти, этот пример Кроче, приравнивающий историю поэзии к истории права, не вполне удачен: если поэзия раскрывается через индивидуальную интуицию и ее главным средством выражения является язык, а классификации несут чисто внешнюю по отношению к ней и дополнительную функцию (то, что делает поэта), то для всякого права – как для современного, так и для исторического – классификация юридических случаев и обстоятельств, так же как и правовых последствий является его неотъемлемой частью. В то же время, Бетти соглашается, что категории истории права в первую очередь несут познавательную функцию, а юридической догматики – практическую и нормативную, что вполне соответствует мнению Кроче о служебном характере догматики по отношению к истории права²⁵. Помимо этого, Бетти также замечает, что применение догматики к истории права требует должной «осторожности», чуткости и подготовленности интерпретатора, его способности смягчать и приспособлять ее к конкретным случаям.

Кроче и Бетти о специализации в гуманитарных науках

Еще одной идеей, объединяющей Кроче и Бетти, было их стремление уйти от чрезмерной специализации, присутствующей в области гуманитарных наук, и найти объединяющее их основание. Для Кроче таким основанием должна была стать философия, понимаемая как философия-история, для Бетти – герменевтика как общая для всех наук о духе методология (собственно, в широком понимании – тоже философия, но Бетти отказывался именовать так свою герменевтику, считая ее больше чем философией как раз из-за того, что она имеет дело сразу с многими науками о духе). Кроче приветствовал в свое время убеждение молодого историка права в том, что юридическая методология не может замыкаться в себе самой, а должна быть встроена в историческую герменевтику, а в конечном счете в общую

²⁴ *Croce B. Conversazioni critiche. P. 185.*

²⁵ *De Gennaro A. Emilio Betti: Dallo storicismo idealistico all' ermeneutica. P. 81.*

теорию интерпретации. Чтобы решать общие исторические вопросы, – соглашается Кроче, – «методологи должны... уйти от своей специализации и подняться в ту сферу, которая их объединяет»²⁶. В «Разъяснениях» к проекту создания Института теории интерпретации²⁷ Бетти обосновывает свою мысль о том, что герменевтика как теория интерпретации и как методология не может изучаться какой-то отдельной гуманитарной дисциплиной, но «объединяя эти дисциплины, она может быть средством от того вреда, который наносит современная специализация в обширной сфере “наук о духе”»²⁸. Кроче же так видит перспективы объединения гуманитарных областей знания: «Цель философского прогресса состоит в следующем: все, кто изучают человека, – юристы, экономисты, моралисты, литераторы, – все, кто изучают историю, станут сознательными и умудренными философами, а философу “вообще”, *purus philosophus*, не останется места в штатном расписании науки»²⁹. Здесь же, в «Теории и истории историографии», он пишет: «...окинем взглядом ту массу тревожных вопросов, которые всколыхнула повсюду великая европейская война, – о государстве, истории, праве, о предназначении тех или иных народов, о цивилизации, культуре, варварстве, о науке, искусстве, религии, о цели и идеале жизни и тому подобном, – тогда и вовсе не останется сомнений в том, что философам надо разорвать замкнутый теолого-метафизический круг, где они продолжают пребывать в силу того, что над умом их и душою все еще довлеют устаревшие идеи»³⁰.

Напомним, что для Кроче дух и есть история, «в каждый отдельно взятый момент он и творит историю, и сотворяется ею»³¹, и философия, делом которой является мысль о реальности (духе), относится к истории как к единственной реальности. Если же понимать историю по-крочеански как историю актуальную, познающую «вечное настоящее», «тогда история вновь обретет единство с философией, которая, в свою очередь, занимается именно осмыслением вечного настоящего»³². Таким образом Кроче приходит к одному из своих

²⁶ Croce B. *Conversazioni critiche*. P. 183.

²⁷ Эти пояснения были включены в изд. «Общей теории интерпретации» (*Betti E. Teoria Generale della Interpretazione*. P. XI–XII), а также были представлены Бетти на юридических факультетах в университетах Рима и Камерино.

²⁸ Betti E. *Teoria Generale della Interpretazione*. P. XII.

²⁹ Кроче Б. *Теория и история историографии*. М., 1998. С. 96.

³⁰ *Теория и история историографии*. С. 97–98.

³¹ *Теория и история историографии*. С. 17.

³² *Теория и история историографии*. С. 38.

обоснований тождества философии и истории³³. Вместе с тем, философия, согласно Кроче, должна быть и методологией истории, а так как история имеет дело с жизнью духа во всех его конкретных проявлениях, то «задача философии состоит в выявлении различий эстетики и логики, экономики и этики и в объединении всех их в философии духа. Если некая философская проблема ничего не дает для исторического суждения, это доказывает, что данная проблема не имеет значения, неверно поставлена и вообще не существует»³⁴.

О классификациях и «технике» в применении к продуктам истории

Хотя в описанных выше вопросах у Кроче и Бетти наблюдалось относительное согласие, тем не менее, Кроче не мог не видеть в принципах герменевтики Бетти раздражающей его приверженности классификациям, которые он относил к естественнонаучным методам, не дающим исторического знания. Бетти в лекции 1948 г. так описывает отношение Кроче к методам своей теории: «...представителями того самого историцизма, который мы склонны называть атомистическим, оспаривается легитимность любой концепции, направленной на рассмотрение исторической данности посредством интерпретативных типов и схем, они утверждают, – в особенности это касается Кроче, – что “тот, кто начинает мыслить естественнонаучным образом (*scientificamente*), тот уже перестает созерцать эстетически” или исторически»³⁵. Процедуры классификации, по мнению Кроче, занимают соотношениями двух и более абстрактных понятий, такое знание «носит название технического» и, уподобляя его знанию натуралистическому, Кроче называет его «псевдознанием» (эту характеристику Кроче, вероятно, почерпнул у Вико, также считавшего, что естественные науки производят фикции). Такое знание, в отличие от подлинного исторического знания, есть лишь «предписание к действию»³⁶, т.е. имеет чисто практическую направленность. Кроче опа-

³³ В «Логике» Кроче утверждает тождество философии и истории на основании положения о единстве индивидуального и дефинитивного суждений в истории (*Croce B. Logica come scienza del concetto puro*. Bari, 1909). Об этом см.: *Мальцева С.А.* Философско-эстетическая концепция Бенедетто Кроче. Диалог прошлого с настоящим. СПб., 1996. С. 60–64.

³⁴ *Кроче Б.* Теория и история историографии. С. 91.

³⁵ *Betti E.* Le categorie civilistiche dell' interpretazione. P. 57.

³⁶ Коллингвуд обращает внимание на то, что Кроче подходит к понятиям естест-

сался, что перенос естественнонаучных методов, в частности классификаций, на познание истории приведет к искажению исследуемого предмета, который, будучи живым и развивающимся духом, может познаваться только путем духовного осмысления, т.е. диалектически. Поэтому он говорит о глубочайшем различии «между суждением, которое создает историю, и схемой, которая есть техника»³⁷. То же относится и к такому виду «классифицирующей истории» («псевдоистории»), как филологическая история, или «история эрудитов»: она делает полезное дело, систематизируя исторические данные, но она не имеет дела с подлинной историей, а служит лишь сохранению и упорядочиванию многочисленных «хроник».

Как к практически полезной, но также не имеющей отношения к духу, Кроче относится к *технической интерпретации*, – одному из видов интерпретации в теории Бетти, который, согласно последнему, применяется, когда исторический анализ касается сложных культурных форм, имеющих «характер произведения». Бетти относит сюда тексты разных жанров, произведения искусства, науки, правовые, социальные и религиозные институты, системы хозяйства, различные формы организации общества. Техническая интерпретация учитывает особенности каждого объекта с точки зрения его морфологии, в ней применяется «техника, нацеленная на раскрытие особого закона формообразования, присущего различным произведениям в рамках тех или иных форм духовной жизни и систем культуры», она «может быть весьма полезна для истолкования, желающего заново познать и

венных наук с точки зрения прагматической теории, подобно тому, как это делает Бергсон. Однако, если «для Бергсона реальность, с которой мы манипулируем таким образом, не что иное, как непосредственный внутренний опыт», то для Кроче «реальность, которую мы превращаем в природу, применяя к ней псевдопонятия, сама по себе является историей, последовательностью фактов, действительно случившихся и познаваемых нашей исторической мыслью такими, какими они являются в действительности» (*Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография* / Пер. Ю.А. Асеева. М., 1980. С. 189). Таким обр., природа оказывается у Кроче, с одной стороны, реальной – в той мере, в какой она становится частью исторической мысли, а с другой стороны, там, где она исследуется естественнонаучными методами, – нет. Допущение природы, даже с оговорками, в область истории стирает, по мнению Коллингвуда, различие между человеком как духовным существом и природным объектом, приводя к противоречию (чтобы природный факт стал фактом историческим, он должен быть пережит как «индивидуальность некоей мысли с помощью мысленного проникновения внутрь ее» (Там же. С. 190), что трудно представимо в отношении неодушевленных объектов).

³⁷ Цит. по: *Betti E. Le categorie civilistiche dell' interpretazione*. P. 58.

изнутри повторно конструировать эти произведения, как они были порождены и сформированы, в их стилевой определенности, внутренней связности и когерентности»³⁸.

Отстаивая правомерность применения техники в работе с разного рода историческими «произведениями», Бетти указывает Кроче на смешение в его отношении к «технике» двух уровней, которые необходимо различать: первый – процесс создания произведения, второй – процесс его интерпретации³⁹. На первом уровне субъект, создающий произведение, может не знать о законах (технике), которые он соблюдает в этом процессе (Кроче, действительно, именно об этом и говорит: «...поэт не замечает этой техники, она для него как бы и не существует»⁴⁰), на втором же, напротив, интерпретатор должен повторить этот процесс творчества уже осознанно, обнаруживая в нем законы, согласно которым создавалось и развивалось произведение. Более того, Бетти считает, что даже признание автора в том, как им была построена композиция произведения (если речь идет, например, о тексте), не должно ограничивать интерпретатора в его деятельности. Цитируя слова Кроче из «Эстетики» о художественной технике: «...выражение ведь, будучи рассматриваемо само по себе, есть элементарная теоретическая деятельность и, как таковая, предшествует практике и тем интеллектуальным познаниям, которые освещают практику; таким образом, оно не зависит ни от практики, ни от таких интеллектуальных познаний»⁴¹, Бетти замечает, что если это и верно, то не означает, что художественное произведение вместе с тем не подчиняется внутренней логике, раскрытием которой занимается интерпретация; и даже если автор не применяет сознательно технику, он все равно объективно ей повинуется. Если же Кроче, – продолжает Бетти, – пугает то, что техническая интерпретация может перерасти в «незаконный процесс», при котором «закон замещающего факта подменит закон факта замещаемого» и что тем самым будет нарушен принцип автономии объекта⁴², то такое возражение – не есть возра-

³⁸ *Betti* Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. С. 126.

³⁹ *Betti* E. Le categorie civilistiche dell' interpretazione. P. 58; *Betti* E. Teoria Generale della Interpretazione. P. 151–152.

⁴⁰ *Croce* B. Metodologia storiografica // Quaderni della “Critica” diretti da B. Croce. 1947. Vol. 3. No. 8. P. 17.

⁴¹ *Betti* E. Le categorie civilistiche dell' interpretazione. P. 58; *Кроче* Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Пер. В. Яковенко. М., 2000. С. 118–119.

⁴² Бетти имеет в виду свой канон автономии объекта, направленный на защиту смысла, содержащегося в объекте интерпретации – репрезентативной форме.

жение против применения техники как таковой, однако оно заслуживает внимания, потому что может служить предупреждением интерпретатору, его историческому чувству, которое должно подкрепляться внимательным отношением к канонам интерпретации. Дабы избежать злоупотреблений в применении технической, да и других видов интерпретации, «должны быть разграничены сферы компетенции: сфера инаковости объекта (согласно автономии) и то, что относится к субъекту (согласно актуальности понимания); и в этом разграничении следует различать между формами искусства или жизни, которые подлежат интерпретации, взятые сами по себе в их объективном развитии, и отраженным сознанием авторов или современников... в формулировках, которые они... могли дать»⁴³.

Кроче и Бетти об исторических свидетельствах и их осмыслении

Переходя к теме толкования исторических источников, заметим, что оба философа сходятся в том, что историческое знание основывается на связи дошедших до нас свидетельств и их осмысления. Там, где эта связь нарушается, где отсутствует один из этих двух элементов, говорить об историческом знании не приходится. Кроче пишет: «Говорить об истории, не имея документов, столь же нелепо, как рассуждать о существовании чего-либо при отсутствии необходимых условий этого существования. История, не опирающаяся на документ, не достоверна»⁴⁴, она представляет собой «уже не духовный акт, а просто вещь, скопление звуков или иных знаков»⁴⁵. Не может быть истории живописи, если не сохранились произведения этой живописи (Кроче приводит в пример несохранившуюся древнегреческую живопись), так же как нельзя написать историю философии, не имея сочинений (или хотя бы фрагментов сочинений) философов⁴⁶. Для Бетти источник, и в первую очередь источник «репрезентативный»⁴⁷, —

Будучи объективацией духа, ее произведшего, она «должна пониматься согласно тому духу, который был в ней объективирован... но не согласно некоему другому духу и мысли» (*Betti E. Teoria Generale della Interpretazione. P. 305*), смысл должен извлекаться из объекта, а не привноситься в него.

⁴³ *Betti E. Le categorie civilistiche dell' interpretazione. P. 58–59.*

⁴⁴ *Кроче Б. Теория и история историографии. С. 10.*

⁴⁵ *Теория и история историографии. С. 14.*

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Понятие репрезентативной формы, согласно Бетти, включает в себя все выражения человеческого духа, в которые вложен смысл: любые тексты, произве-

единственная историческая реальность, через которую с интерпретатором «заговаривает» дух прошлого. Его осмысление, верное понимание его духа – цель деятельности интерпретатора и ключ к пониманию истории.

Так как сам по себе источник, без его осмысления, нем и лишь в мысли историка одушевляется и включается в историю (это справедливо и для Кроче, и для Бетти), то возникает вопрос, что же позволяет философам говорить о соответствии того смысла, который современный историк находит в источнике, смыслу, который вкладывался в источник его творцом? Для Бетти в основе этого соответствия лежит принадлежность и познающего, и познаваемого к единой общечеловеческой духовности. Истоки этого взгляда восходят к Вико, для которого истина, доступная человеку, – это истина историческая: познание истории, будучи познанием того мира, который сотворен самим человеком (природа сотворена Богом и поэтому не может быть до конца познана), истинно. Дильтей так впоследствии сформулировал эту мысль: «Первое условие возможности исторической науки, – пишет он, – состоит в том, что я сам являюсь историческим существом, что историю исследует тот же, кто ее творит»⁴⁸. (Кроче, хотя сам и называет Вико своим предшественником, не полностью вписывается в эту традицию из-за включения в историю определенным образом осмысляемой природы). Согласно Бетти, дух интерпретатора, принадлежа к общей духовности, родственен духу, говорящему через репрезентативную форму, но в то же время не идентичен ему ввиду своей актуальности. Объективность интерпретации – тот предел, к которому стремится каждый историк. Однако он ограничен рамками исторической обусловленности своего понимания, и герменевтическая задача не может быть решена раз и навсегда. Для того, чтобы толкование было максимально объективным (т.е. чтобы были сохранены границы применения канона актуальности и историчность интерпретатора была отделена от влияния предрассудков, мнений, идеологических, партийных или иных субъективных пристрастий), важно, согласно Бетти, чтобы применение канона актуальности понимания контролировалось со стороны канона автономии объекта.

дения искусства, устные высказывания, человеческие поступки, символы, жесты и т.д., даже взгляды и вздохи. Такая форма играет роль посредника между интерпретатором и интерпретируемым объектом, позволяя через нее одной субъективности «заговаривать» с другой.

⁴⁸ Цит. по: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988. С. 271.

Для Кроче осмысление исторических источников основывается на его концепции имманентизма духа, присутствие которого одновременно во всех его формах обеспечивает возможность познания его творений; он диалектически развивается и обогащается, а следовательно, в каждый новый момент истории осмысление источника будет в определенной мере отличным от предыдущего (согласно «современности» истории, обращение с историческими свидетельствами предполагает их осмысление и переживание прошлого в настоящем), причем многое, что не было понято в источнике его современниками, будет более глубоко понято потомками, знания и опыт которых будут обогащены многовековой жизнью духа.

Что же касается разрывов и пропусков, которые присутствуют в свидетельствах прошлого, то философы относятся к ним по-разному. Бетти считает возможным заполнение таких лакун, если интерпретатор исходит из канона *целостности или смысловой связности*⁴⁹, позволяющего восстанавливать утраченные элементы логики произведения или поступков, не упуская при этом из внимания канон *автономии объекта*, а также канон, применение которого необходимо при любой интерпретации, в особенности исторической, – канон *герменевтического соответствия или конгенуальности*⁵⁰: «Подобно тому как, имея перед собой частично сохраненный текст, донесенный до нас письменной традицией, мы, используя логику языка, пытаемся восстановить его первоначальную целостность и структуру мысли, точно так же, располагая отрывочными сведениями о событиях, донесенных до нас различными историческими источниками, мы, подвергнув их предварительной критике, восполняем, насколько это возможно, историческое повествование и реконструируем процесс, объективную последовательность событий, в соответствии с логикой, которая управляла их ходом»⁵¹.

В отличие от Бетти, Кроче не считает возможным заполнение отсутствующих фрагментов или разрывов в исторической традиции

⁴⁹ Этот канон основывается на принципе герменевтического круга Шлейермахера, согласно которому путь, ведущий интерпретатора к пониманию смысла толкуемого объекта, лежит через соотнесение части и целого этого объекта.

⁵⁰ Требуется от интерпретатора духовной открытости, способности настроить свою мысль на созвучие с мыслью автора. Речь идет, с одной стороны, о конгенуальности автора и интерпретатора, предполагающей сходный с автором духовный горизонт интерпретатора, а с другой – способности интерпретатора к самоотречению, отказу от собственных предрассудков.

⁵¹ Бетти Э. Историческая интерпретация / Пер. Ю.Г. Россиус // История философии. 2012. № 17. С. 102–103.

правдоподобными вставками, это всегда, по его мнению, будет вымыслом толкователя: «Там, где традиция прерывается, интерпретация останавливается; создания прошлого остаются для нас немь»⁵². В особенности это относится к историческим источникам, которые представляют собой эстетические объекты, каждый из которых есть индивидуальное и уникальное «выражение». Любое вторжение превращает его в лучшем случае уже в другое выражение, созданное не автором, а интерпретатором – если перевести на язык Бетти, нарушает автономию объекта. Неправомерны, по мнению Кроче, «доставания» и домыслы, которые позволяют себе представители «поэтической» историографии, где «заинтересованность мысли подменяется заинтересованностью чувства, а логическая последовательность – эстетической»⁵³. Он указывает на «неизбежное искажение, которое... состоит в самом подборе и связи элементов, извлекаемых из “источников” по указке не мысли, а чувства, что... ничем не отличается от вымысла или домысла: новая связь есть новый факт, и факт придуманный». То же касается и упомянутой уже филологической истории, которую Кроче обвиняет в «иррациональности и неправоте», когда она вместо служебно-практического дела, направленного на сохранение и упорядочивание «хроник», принимается за «переписывание источников с дополнениями, сокращениями или изменениями отдельных слов (что порой есть вопрос вкуса, а порой просто литературное мошенничество)»⁵⁴.

Легко заметить, что и Бетти такого рода интерпретации также не мог считать приемлемыми, ведь во всех перечисленных случаях они нарушали главный принцип – автономии объекта. Когда Бетти говорит о воссоздании целостности и структуры мысли в тексте или о реконструкции исторического повествования и последовательности событий на основании нескольких источников, он подключает весь арсенал герменевтических требований, чтобы эту автономию не нарушить: в работу должны включаться все четыре канона, а также критическая, филологическая, техническая (в отношении объекта), психологическая (в отношении личности автора) и собственно историческая интерпретации, что, правда, для Кроче все равно не означает невозможности проникновения элемента произвола.

⁵² Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика. С. 133.

⁵³ Кроче Б. Теория и история историографии. С. 22.

⁵⁴ Теория и история историографии. С. 18.

* * *

Мы попытались представить взгляды на историю Кроче и Бетти, обращая внимание на те пункты, в которых их позиции каким-то образом пересекались – совпадали или, напротив, противостояли друг другу. Вопрос о следах крочеанского историцизма в теории Бетти, с нашей точки зрения, не имеет под собой оснований, так как, несмотря на схожесть некоторых представлений, очевидно, что каждая из теорий зиждется на собственных основаниях и строится на разных принципах. Если Кроче строит систему духа, стремящуюся объяснить собою всю действительность в ее диалектическом развитии (хотя и не претендуя на завершенность своей теории и оставляя ее открытой к изменениям), то Бетти создает проект науки интерпретации – науки о понимании смыслов, заложенных в интерпретируемых объектах, а если речь идет об истории, то о последовательном воссоздании объективных картин тех или иных периодов и эпох посредством толкования различных исторических свидетельств. То же можно сказать и о сходстве частных аспектов в их теориях. Например, к принципу актуальности понимания, столь близкому к крочеанскому тезису о современности истории, Бетти приходит независимо от Кроче. Первоначально этот принцип был сформулирован им в более узком, историко-правовом контексте и впоследствии был распространен на всю теорию интерпретации. Бетти называл свою герменевтику проектом и призывал всех своих сторонников корректировать и дополнять его построение, для чего в 1955 году им был организован Институт интерпретации в Риме и Камерино.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем. Е.В. Борисова. М.: Канон+, 2011. 144 с.
- Бетти Э.* Историческая интерпретация / Пер. с ит. Ю.Г. Россиус // История философии. 2012. № 17. С. 90–110.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Кроче Б.* Теория и история историографии / Пер. с ит. И.М. Заславской. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.
- Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Пер. с ит. В. Яковенко. М.: Intrada, 2000. 160 с.
- Мальцева С.А.* Философско-эстетическая концепция Бенедетто Кроче. Диалог прошлого с настоящим. СПб.: Петербург-XXI век, 1996. 158 с.
- Овсянникова И.А.* Либеральная философия Бенедетто Кроче. Омск: ОмГТУ, 1998. 424 с.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. и комм. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 488 с.

Россиус Ю.Г. Эмилио Бетти // Западная философия XX – начала XXI вв. Интеллектуальные биографии / Под ред. И.С. Вдовиной, И.Д. Джохадзе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 108–134.

Betti E. Teoria Generale della Interpretazione. Milano: Giuffrè, 1955. 983 p.

Betti E. Diritto romano e dogmatica odierna // *Betti E.* Diritto, metodo, ermeneutica. Scritti scelti / a cura di G. Crifò. Milano: Giuffrè, 1991. P. 59–133.

Betti E. Le categorie civilistiche dell' interpretazione // Rivista Italiana per le Scienze Giuridiche. 2014. № 5. P. 11–72.

Betti E. L'ermeneutica storica e la storicità dell'intendere // Annali della Facoltà di giurisprudenza della Università di Bari. 1961. v. XVI. P. 3–28.

Betti E. Notazioni autobiografiche / A cura di E. Mura. Padova: Cedam, 2014. LXXVI p., 63 p.

Crifò G. Emilio Betti. Note per una ricerca // Quaderni Fiorentini per la storia dell' pensiero giuridica moderna. 1978. No. 7. 1978. P. 165–292.

Croce B. Logica come scienza del concetto puro. Bari: Laterza, 1909. 432 p.

Croce B. Metodologia storiografica // Quaderni della “Critica” diretti da B. Croce. 1947. Vol. 3. No. 8. P. 9–22.

Croce B. Filosofia della practica. Economica ed etica. Bari: Laterza, 1973. 412 p.

Croce B. Conversazioni critiche. 2 ed. ser. IV. Bari: Laterza, 1951. 397 p.

Croce B. Etica e politica. Bari: Laterza, 1967. 389 p.

Croce B. La storia come pensiero e come azione. Bari: Laterza, 1973. 325 p.

De Gennaro A. Emilio Betti: Dallo storicismo idealistico all' ermeneutica // Quaderni Fiorentini per la storia dell' pensiero giuridica moderna. 1978. No. 7. P. 79–112.

Korzeniowski I.W. L'ermeneutica di Emilio Betti. Roma: Città Nuova, 2010. 96 p.

Mengoni L. La polemica di Betti con Gadamer // Quaderni Fiorentini per la storia dell' pensiero giuridica moderna. 1978. No 7. P. 125–142.

Mura G. Saggio introduttivo: La teoria ermeneutica di Emilio Betti // L'ermeneutica come metodica generale delle scienze dello spirito. Roma: Città Nuova, 1990. P. 5–47.

Ricci F. Parola, Verità, Diritto. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 2006. 144p.

JULIA GENNADIEVNA ROSSIIUS

Junior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: juliarossius@yandex.ru

On the understanding of history in the philosophy of Benedetto Croce and Emilio Betti

Summary: This paper aims to compare the interpretations of history put forward by Benedetto Croce and Emilio Betti. In view of the serious differences between the theoretical foundations of their respective positions (Croce's neohegelianism and 'absolute historicism', on the one hand, and methodological hermeneutics in the case of

Betti), the present author has chosen for comparison some of the opinions expressed and statements made by either philosopher, as well as such fragments of their works, where their views seem to converge, or, on the contrary, where the divergences are manifested with greatest clarity, in particular in the passages containing reciprocal criticism. The author comes to the conclusion that, contrary to the widespread belief, Betti's theory of the interpretation of history had not been influenced by the historicism of Croce to any considerable degree. Analyzing, among other things, the idea of 'modernity' of history in Croce with its similarity to Betti's canon of 'actuality' of the understanding, she demonstrates that Betti arrived at the same thesis independently of Croce as a result of his own investigations in the history of law, giving it initially a more restricted juridical formulation.

Keywords: history of Western philosophy, historicism, Betti, Croce, hermeneutics, interpretation, juridical dogmatics.

References

- Betti, E. "Istoricheskaya interpretatsiya" [Historical Interpretation], trans. by Yu.G. Rossius, *History of Philosophy*, 2012, No. 17, pp. 90–110.
- Betti, E. "Diritto romano e dogmatica odierna", in: Betti, E. *Diritto, metodo, ermeneutica. Scritti scelti*, ed. by G. Crifò. Milano: Giuffrè, 1991, pp. 59–133.
- Betti, E. "L'ermeneutica storica e la storicità dell' 'intendere'", *Annali della Facoltà di giurisprudenza della Università di Bari*, 1961, XVI, pp. 3–28.
- Betti, E. "Le categorie civilistiche dell' interpretazione", *Rivista Italiana per le Scienze Giuridiche*, 2014, No. 5, pp. 11–72.
- Betti, E. *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe* [Hermeneutics as the General Methodology of the Human Sciences], trans. by E.V. Borisov. Moscow: Kanon Plus Publ., 2011. 144 p. (In Russian)
- Betti, E. *Notazioni autobiografiche*, ed. by Eloisa Mura. Cedam: Padova, 2014. LXXVI, 63 p.
- Betti, E. *Teoria Generale della Interpretazione*. Milano: Giuffrè, 1955. 983 p.
- Collingwood, R.G. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. An Autobiography], trans. by Yu.A. Aseev. Moscow: Nauka Publ., 1980. 488 p. (In Russian)
- Crifò, G. "Emilio Betti. Note per una ricerca", *Quaderni Fiorentini per la storia dell' pensiero giuridica moderna*, 1978, No. 7, 1978, pp. 165–292.
- Croce, B. "Metodologia storiografica", *Quaderni della "Critica"*, diretti da B. Croce. 1947, Vol.3, No. 8, pp. 9–22.
- Croce, B. *Conversazioni critiche*. 2 ed., ser. IV. Bari: Laterza, 1951. 397 p.
- Croce, B. *Estetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshchaya lingvistika* [Aesthetic as Science of Expression and General Linguistic], trans. by V. Yakovenko. Moscow: Intrada Publ., 2000. 160 p. (In Russian)
- Croce, B. *Etica e politica*. Bari: Laterza, 1967. 389 p.
- Croce, B. *Filosofia della practica. Economica ed etica*. Bari: Laterza. 1973. 412 p.
- Croce, B. *Logica come scienza del concetto puro*. Bari. 1909. 432 p.
- Croce, B. *La storia come pensiero e come azione*. Bari: Laterza, 1973. 325 p.
- Croce, B. *Teoriya i istoriya istoriografii* [Theory and History of Historiography], trans. by I.M. Zaslavskaya. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 192 p. (In Russian)

De Gennaro, A. “Emilio Betti: Dallo storicismo idealistico all’ ermeneutica”, *Quaderni Fiorentini per la storia dell’ pensiero giuridica moderna*, 1978, No. 7, 1978, pp. 79–112.

Gadamer, H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and Method], trans. & ed. by B.N. Bessonov. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian)

Korzeniowski, I.W. *L’ermeneutica di Emilio Betti*. Roma: Città Nuova, 2010. 96 p.

Mal'tseva, S.A. *Filosofsko-esteticheskaya kontseptsiya Benedetto Kroche. Dialog proshlogo s nastoyashchim* [Philosophical and Aesthetic Concept of Benedetto Croce. Dialogue of the Past with the Present]. St. Petersburg: Peterburg–XXI vek Publ., 1996. 158 p. (In Russian)

Mengoni, L. “La polemica di Betti con Gadamer”, *Quaderni Fiorentini per la storia dell’ pensiero giuridica moderna*, 1978, No. 7, 1978, pp. 125–142.

Mura, G. “Saggio introduttivo: La Teoria ermeneutica di Emilio Betti”, in: Betti, E. *L’ermeneutica come metodica generale delle scienze dello spirito*. Città Nuova, Roma, 1990, pp. 5–47.

Ovsyannikova, I.A. *Liberal’naya filosofiya Benedetto Kroche* [Benedetto Croce’s liberal philosophy]. Omsk: OmGTU Publ., 1998. 424 p. (In Russian)

Ricci, F. *Parola, Verità, Diritto*. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 2006. 144 p.

Rossius, Y.G. “Emilio Betti” [Emilio Betti], in: *Zapadnaya filosofiya XX–nachala XXI vekov. Intellektual’nye biografii* [Western philosophy XX–early XXI centuries. Intellectual biographies], ed. by I.S. Vdovina & I.D. Dzhokhadze. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016, pp. 108–134. (In Russian)